

как — во времена Ющенко — навязывание Украине единого закона о том, что как нельзя отрицать Холокост, так и Голодомор нельзя. С точки зрения истории — это вещи весьма далекие, но политикам это стало вдруг интересно, ибо могло бы помочь Голодомору приобрести искомый статус — статус геноцида, которого у него нет... Попытки подверстать к Холокосту иные типы трагедий или репрессий отражают внутривнутриполитическую ситуацию самих этих стран и ставят законодательство об отрицателях Холокоста в зависимость от развития этой ситуации и от других приводящих обстоятельств» (с. 592).

Битвы за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте еще не выиграны; они продолжаются. П.М. Полян уверен, что «со временем, стратегически, — то есть по мере введения в оборот и верификации все большего числа первичных источников, — “победа” все равно останется за историей, а не за политикой, но чем шире открыты архивы — тем раньше это произойдет» (с. 21). В итоге процесс «преодоления прошлого» сможет остановить

разворачивающийся «историомор». Однако в каждый конкретный момент времени торжествует, увы, именно политика, определяющая ориентиры и рамки для работы ангажированных ею «карманных» историков и создающая рогатки для работы историков независимых и несервильных.

«Не знаю, — завершает свою книгу П.М. Полян, — каково сейчас быть в “шкуре” молодого историка, только входящего в свою науку и свою карьеру. Я уже давно тружусь в российском архивном ландшафте и вижу, как постепенно сужаются и круг архивов, которым интересно поддерживать независимые исторические исследования, и круг издательств, которым интересно их публиковать. Что ж: будем как-то и это преодолевать» (с. 594).

*Б.Л. Хавкин,*  
доктор исторических наук,  
профессор ИАИ РГГУ

**С.Н. Погодин. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (конец XIX — начало XX века). СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017, 630 с.**

Одной из традиций отечественной историографии всегда было создание обобщающих трудов. Такие работы ставят целью рассмотрение развития русской исторической науки как в целом, так и исследований, посвященных конкретным историкам, направлениям и школам в науке. Именно в таком ключе и представлена рецензируемая монография зав. кафедрой Института международных образовательных программ СПбГПУ д.и.н., проф. С.Н. Погодина.

Историографический обзор содержит не только библиографию и перечисление работ историков, но и их анализ, критический разбор литературы. При этом рассмотрены различные исторические труды и концепции, а также объяснено, почему в разные периоды творчества того или иного историка господствовали именно такие теории и идеи. На основе анализа историографических трудов историков можно проследить формирование мировоззрения ученого.

Монография С.Н. Погодина — это обобщающая работа, своеобразное подведение итогов длительного научного исследования отечественной историографии автором. В нее вошли опубликованные ранее за последние 20 лет работы. Книга состоит из глав «Огюст

Конт и “Русская школа” историков», «Дмитрий Иванович Каченовский», «Владимир Иванович Герье», «Александр Дмитриевич Градовский», «Иван Васильевич Лучицкий», «Николай Иванович Кареев», «Максим Максимович Ковалевский», «Павел Гаврилович Виноградов», «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский».

Главы написаны как очерки и носят биографический характер. Биография историка отражает его жизненный путь, мировоззрение, методы научного исследования, приемы изучения историографического материала. Все это и создает основу для историографического анализа.

Выбор персонажей в монографии не случаен, всех их во многом объединяет ряд характерных черт. Все они были университетскими профессорами в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве, Харькове. Они никогда не были «кабинетными историками», они всегда были в центре современных им событий. Принимали по мере возможности активное участие в общественной жизни университета, города, страны. Они не воспринимали науку в чистом виде, в отрыве от действительности.

По образованию не все персонажи монографии были историками. Д.И. Каченовский, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский были

юристами. Однако их отправной точкой научного интереса была все же история. И даже их работы по юриспруденции носили исторический аспект.

При общей оценке представленных в монографии персонажей их всех можно отнести к представителям западного направления в отечественной исторической науке. Всех их во многом объединяли в той или иной степени либеральные устремления. Все они были сторонниками позитивистской философии. Именно поэтому монография открывается очерком «Огюст Конт и “Русская школа” историков». Исключением является Д.И. Каченовский (1827–1872), его деятельность как ученого приходится на допозитивистскую эпоху.

Следует отметить, что позитивизм оказал разное влияние на русских историков. Все они в той или иной мере были не только популяризаторами учений О. Конта, Г. Спенсера, Г.Т. Бокля, И. Тэна, но и выступали с аргументированной критикой их взглядов. В позитивизме представленных историков привлекало прежде всего единство природы и общества. Многие из них стремились к постижению истории с той же степенью точности и достоверности, какая доступна естествознанию. В исследовательской практике отечественные историки исходили из идеала единого научного знания, обоснованного в позитивизме. Историю они рассматривали в качестве науки конкретной, эмпирической. Важным объединительным фактором представленных в монографии историков была вера в прогресс.

Автор на основе детального анализа научной деятельности М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, В.И. Герье и А.С. Лаппо-Данилевского наглядно показал их значение для русской историографии. В монографии детально раскрыта ценность их конкретно-исторических исследований, разработка теоретико-методологических вопросов исторической науки. На основе большого количества примеров автор монографии показывает, как вводились в исследовательскую практику сравнительно-исторический, ретроспективный метод, метод переживаний (пережитков) и др. Некоторые историки, о которых речь идет в монографии, стояли у истоков использования достижений статистики и экономических факторов в истории. Однако они не абсолютизировали значение материальных отношений, а были сторонниками многофакторности исторического развития.

Анализируя теоретико-методологические работы историков, С.Н. Погодин приходит к выводу, что внедрение ими философии и методологии истории в свою педагогическую практику способствовало формированию научных школ. Вопрос о школах в науке является центральным в монографии. На основе биографий историков, анализа их произведений и преподавательских приемов, автор показывает, как создавались такие школы. Монография дает представление о нескольких поколениях ученых, связанных друг с другом узами учителя и ученика. Примером таких отношений можно назвать А.Д. Градовского и М.М. Ковалевского, которые были учениками Д.И. Каченовского, в свою очередь Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов — учениками В.И. Герье.

В основе рассуждений С.Н. Погодина о научной школе лежит понятие «*ecole russe*» («русская школа»). Термин «русская школа» французские историки присвоили русским историкам, занимающимся историей Французской революции конца XVIII в., прежде всего это М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Н.И. Кареев. Это говорит о признании достижений русских ученых европейскими историками.

С.Н. Погодин уточняет, что под научной школой «подразумевается такое сообщество ученых, которые заняты не только самой “наукой”, но и “обучением науке”, т.е. передачей знаний и приемов научной деятельности, необходимых ученым следующего поколения. Поэтому термин “научная школа” включает в себе двойственность — образовательной школы и предметного изучения, тем самым выступая как бы на пересечении этих понятий. Представление о коллективе как о научной школе предусматривает за ней новую функцию — обучение научному творчеству в сочетании со свойствами данной школе своеобразием научного мышления и особенностями в подходах к решению научных проблем» (с. 20).

К упущению автора монографии можно отнести отсутствие вводной, заключительной частей и именного указателя. Наличие этих разделов способствовало бы четкости концептуального подхода автора и объясняло выбор персоналий. В целом же книга С.Н. Погодина дает наиболее полное представление о путях развития отечественной историографии в конце XIX — начале XX в.

*А.Н. Цамутали,*  
доктор исторических наук